

5.6.1. Отечественная история

УДК 930.85

DOI 10.22311/2074-1529-2024-20-1-83-96

Т. Г. Емельяненко

ФГБУК Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

ВИЗИТ ЭМИРА БУХАРСКОГО СЕЙИД АБДУЛЛАХАД-ХАНА В ПЕТЕРБУРГ В 1898 ГОДУ

(ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА)

ЕМЕЛЬЯНЕНКО Татьяна Григорьевна —

д-р ист. наук, вед. науч. сотр.

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры

«Российский этнографический музей»

(191186, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Инженерная, д. 4/1).

E-mail: rem.tatyana@mail.ru

Аннотация. В статье приведены документальные материалы из Российского государственного военно-исторического архива (Москва), относящиеся к истории организации визита бухарского эмира Абдуллахад-хана в Петербург в 1898 г. В них содержатся уникальные сведения о деталях подготовки и проведения данного визита, о программе пребывания эмира в Петербурге, о финансовых затратах на прием бухарской делегации. Большой интерес представляют данные о подарках, которые были преподнесены эмиру и его свите во время визита, поскольку некоторые из них могли сохраниться в музейных собраниях. Архивные материалы позволяют также сравнить визит 1898 г., его организацию, и прежде всего финансирование, с предшествующими визитами эмира Абдуллахад-хана — 1893 и 1896 гг., демонстрируя постепенное сокращение расходов на их проведение. Это косвенно свидетельствовало об укреплении позиций России

в Средней Азии, следствием чего стало ослабление внимания к личным контактам правителей, игравшим во времена Александра III значительную роль в регулировании отношений между Российской империей и Бухарским эмиратом.

Ключевые слова: Абдуллахад-хан, эмир бухарский, Бухарский эмират, правительственные дары, восточная дипломатия, Россия и Бухара.

Для цитирования: Емельяненко Т. Г. Визит эмира бухарского Сейид Абдуллахад-хана в Петербург в 1898 году (по материалам Российского государственного военно-исторического архива) // Ислам в современном мире. 2024. Т. 20. № 1: 83–96

DOI 10.22311/2074-1529-2024-20-1-83-96

Статья поступила в редакцию: 01.10.2023

Статья принята к публикации: 09.01.2024

После присоединения к России значительной территории Средней Азии и образования Туркестанского генерал-губернаторства (1867) Бухарский эмират, несмотря на очевидное поражение в ходе военных действий, сохранил относительную независимость. По мирному договору 1873 г. он переходил под протекторат России, который обеспечивал ему самостоятельную внутреннюю политику, но во внешней политике контролировался российскими властями. Причины такого решения имели прежде всего военно-стратегический характер: Бухара должна была стать буферным государством на границе с Афганистаном, через захват которого Англия стремилась усилить свое влияние в Средней Азии. Однако немалую роль сыграло и то, что Бухара была одним из самых влиятельных центров исламского мира, «Рим ислама» и «благоуханнейший цветник ислама и просвещения»¹, как называли ее на мусульманском Востоке. Полное подчинение эмирата могло негативно сказаться на отношении мусульман к присутствию России в Среднеазиатском регионе², а также привести к народным волнениям и дестабилизации местной власти под влиянием исламского духовенства, враждебно воспринимавшего даже

¹ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб.: Тип. Ю. А. Бокрама, 1865. С. 95; Крестовский В. В. В гостях у Эмира Бухарского. СПб., 1887. С. 272.

² Ходжа Ахмед Ясави — философ и исламский проповедник XII в. из г. Туркестан предсказал приход русских в Среднюю Азию. Однако в предсказании говорилось, что Шах-и Зинда («живой царь»), как называл двоюродного брата пророка Мухаммада Кусам ибн Аббас, который, по легенде, скрывается в подземельях Самарканда, не пустит неверных в город, и они будут изгнаны. То, что вторая часть не сбылась, духовенство объясняло многочисленными грехами мусульман, за которые они теперь и расплачиваются. Вместе с тем в народе поддерживалась вера в изменение положения к лучшему, если они сохраняют свою преданность исламу (Хороших А. Н. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. С. 187).

такую форму зависимости, как протекторат. Так, эмира Сейид Музаффар ад-дин Богадур-хана (1860–1885), подписавшего мирный договор с Россией, обвиняли в том, что он «будто бы стал чересчур уже “русским” и не в меру угодливым и покладистым на всякое русское требование, чего-де ему, по положению верховного главы мусульманства совсем не подобало бы», а на улице фанатики и женщины кричали ему, что он продал «благородную Бухару» неверным. Поэтому эмир редко покидал свой дворец в Бухаре или подолгу жил в Шахрисябзе, недалеко от русской границы¹. Основным местом пребывания его преемника — эмира Сейид Абдуллахад Богадур-хана (1885–1910) стал расположенный в 80 км от Бухары город Кермине, где до этого он был беком.

В этих условиях мирное сосуществование двух государств со столь разными культурными нормами во многом зависело от соблюдения определенного дипломатического этикета, учитывающего не только сложившееся политическое соотношение, но и особенности традиций и менталитета восточных соседей. Большое значение придавалось личным контактам эмира и императора, а также визитам правителей Бухары в Россию, которые рассматривались как важный «инструмент» дипломатических отношений империи и эмирата. Эмир Музаффархан (1860–1885), хотя сам так и не побывал в России, в 1883 г. отправил в Москву сына Абдуллахад-хана на торжества по случаю коронации Александра III и для представления его императору в качестве своего преемника. Став эмиром, Абдуллахад-хан неоднократно бывал в Петербурге, Москве и других городах, пользовался большим расположением Александра III. В 1893 г. он привозил к нему своего сына и наследного принца Алим-хана, в 1896 г. приезжал по случаю коронации Николая II, в последний раз был в Петербурге незадолго до своей кончины, когда отмечал там 25-летие своего правления. Однако если при Александре III эмира принимали с большой пышностью и по самому высокому разряду дипломатического протокола, фактически без учета вассального статуса его государства, то в последующие годы, по мере усиления позиций России в Средней Азии отношение к таким визитам стало меняться, что иллюстрируют, в частности, документы, относящиеся к организации официального приема правителя Бухары в разные годы. В этом отношении особенно показательна поездка эмира Абдуллахад-хана в Петербург в 1898 г., представление об особенностях подготовки и проведения которой дают сохранившиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) документы².

¹ Крестовский В. В. В гостях у Эмира Бухарского. С. 183–186.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2308, 2309, 2310.

Инициатором поездки выступил сам эмир, сделав это по-восточному тонко. В телеграмме, отправленной им из Кермине 10 марта 1898 г. Николаю II в ответ на его поздравление с Наврузом, он упоминает, что хотел бы «видеться с вами и укрепить незыблемо дружеские наши отношения»¹. В Петербурге намек был понят, и содержание телеграммы, как и любого документа, связанного с перепиской персон такого уровня, не стало делом двух частных лиц. Она была направлена первоначально управляющему Военным министерством генерал-лейтенанту Алексею Николаевичу Куропаткину, а тот переадресовал ее барону Александру Борисовичу Вревскому — генерал-губернатору Туркестанского края, который должен был дать заключение о необходимости «ходатайствовать о разрешении приехать эмиру в Петербург для представления Его Императорскому Величеству»². В ответном письме от 16 марта Вревский сообщал, что эмир бухарский уже обратился к нему с просьбой «исходатайствовать ему Высочайшее разрешение на приезд в Петербург с целью представиться Его Императорскому Величеству Государю Императору и Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице и поднести орден в Память в Бозе почивающего Императора Александра III»³. Этот же орден Эмир предполагает поднести Великим князьям и министрам»⁴. Со своей стороны, Вревский не видел причин для отказа эмиру, который, по его мнению, вполне заслужил эту «награду за его беспредельную преданность Государю Императору и России», всегда проявляя полную готовность «исполнять все требования туркестанского генерал-губернатора по всем вопросам»⁵. В Петербурге к мнению Вревского прислушались, хотя к тому времени он был уже отозван с поста генерал-губернатора Туркестанского края, особенно к его словам о том, что отказ мог бы глубоко огорчить эмира и «произвести невыгодное для него впечатление среди населения Бухары»⁶. В своем докладе от 27 марта 1898 г. по этому поводу А. Н. Куропаткин писал, что разрешение на приезд «будет наградой за те потери, которые понес эмир от включения Бухары в нашу таможенную линию, а кроме того, владетель Бухары очень тревожится вопросом объединения среднеазиатских областей и опасается за свою участь. Весьма выгодно было бы успокоить эмира Царским Словом,

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2308. Л. 1.

² Там же.

³ Орден Искандер-Салис («Солнце Александра»), учрежден в Бухаре в 1894 году в связи с кончиной и в память императора Александра III; предназначался для награждения русских высокопоставленных чинов.

⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2308. Л. 3.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 10.

что положение его лично не будет изменено. Поездками его в Россию, а в особенности приездами к Высочайшему Двору живо интересуется не только вся Бухара, но и весь Афганистан и даже Индия. Всякий знак монаршего внимания среднеазиатским автономным владетелям тотчас же передается по телеграфу в столицы ханств и разносится оттуда с невероятной быстротою стоустою молвою по всей Средней Азии»¹.

Согласие на приезд эмира было получено, однако весь характер административной переписки, происходившей в ходе его подготовки, свидетельствовал о том, что эмира не очень рады были видеть в Петербурге. Видимо, времена, когда отношения эмира и императорской семьи носили почти дружеский характер, прошли². Положение России в регионе было уже настолько прочным, что поддержание комплиментарных отношений с вассальным государством и его правителем потеряло свою актуальность. Вместе с тем такой подход явился, очевидно, отражением общего курса внутривосточной дипломатии эпохи Николая II, когда применявшиеся в период сложения империи дипломатические (наряду с военными) приемы поддержания центральной власти среди мегаполиэтнического населения страны, приемы, основанные на изучении и учете традиций и этнической психологии подвластных народов, остались в прошлом.

Основная задача в ходе подготовки визита эмира в Петербург состояла в том, чтобы сделать это посещение наименее обременительным для казны. Если в 1893 г. на визит эмира с сыном было ассигновано 160 000 рублей, а в 1896 году, когда он и хивинский хан приезжали на коронацию Николая II, — 170 000 рублей (эта сумма была включена в общую смету коронационных расходов по Военному министерству, а всего на среднеазиатские посольства и депутации тогда было выделено 246 972 рубля)³, то теперь было решено ограничить эту сумму до 25 000 рублей. Кроме того, в 1893 г. эмиру и его свите полностью оплачивали проезд, доставку подарочных лошадей и содержание их в пути, то на этот раз он должен был

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2308. Л. 10.

² После смерти Александра III эмир сохранил дружеские связи с вдовствующей императрицей Марией Федоровной: оба были любители лошадей, и эмир неоднократно отправлял ей в подарок породистых лошадей в богатом убранстве. В настоящее время предметы из даров эмиров бухарских хранятся в собраниях Эрмитажа, Российского этнографического музея и Музея этнографии и антропологии им. Петра Великого (Кунсткамера) (см.: Дары Востока и Запада Императорскому двору за 100 лет: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. С. 247–267, 299–302, 380–387; Емельяненко Т. Г. Дары эмиров бухарских // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 7. М.: ИВ РАН, 2002. С. 99–107; Сидоренко А. И., Артыков А. Р., Раджабов Р. Р. Золотое шитье Бухары. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1981. С. 54; Прищепова В. А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб.: Наука, 2011. С. 315).

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2308. Л. 19.

совершить все путешествие туда и обратно за свой счет¹. В целях экономии ограничивалось и число сопровождающих и обслуживающих эмира лиц. Так, в 1893 г. эмиру были выделены 2 офицера, 2 врача и 2 переводчика; тогда же с ним следовали из Бухары 12 сановников, 22 человека прислуги и 30 конюхов. В 1896 г. свита эмира состояла уже из 5 сановников и 25 человек обслуживающего персонала. Теперь же эмиру было разрешено взять с собой не более 15 человек, а для сопровождения его в поездке выделили от Туркестанского генерал-губернаторства 1 офицера штаба, 1 врача и 1 переводчика; несколько чинов из Петербурга должны были встречать его в Баку или Петровске и следовать с ним далее до столицы². А когда эмир уже находился в пути, 17 апреля туркестанский генерал-губернатор получил очередную телеграмму с указанием сократить свиту до 5–10 человек, но изменить уже ничего было нельзя³.

Ограничивался и срок пребывания эмира в Петербурге. Первоначально он должен был составлять 25 дней (в 1893 г. — 28 дней)⁴, но в конце концов, как следует из письма Куропаткина политическому агенту в Бухаре Владимиру Ивановичу Игнатьеву, «Его Императорское Величество милостиво выразил согласие на пребывание Его Высочества в Петербурге в течение лишь 10 дней»⁵, хотя позднее и продлил срок до 14 дней⁶. Эмир просил разрешения сделать остановку в Москве на 3 дня для встречи с Великим князем Сергеем Александровичем — московским губернатором (1891–1905); разрешение было дано, но с оговоркой: «...если бы Его Императорскому Высочеству Великому князю Сергею Александровичу угодно будет принять эмира, он мог сделать этот визит с вокзала. Более продолжительной остановки в Москве, вызывающей значительные расходы, желательно избежать»⁷. Как выяснилось позднее, это было пожелание и самого Великого князя, который «будет в отсутствии, так как в этот день назначен смотр войскам, расположенным в Нижнем Новгороде», и предлагалось организовать встречу с эмиром на обратном пути⁸.

Весь маршрут эмира был строго расписан и не подлежал никаким изменениям. 9 мая из Красноводска он должен был сесть на пароход «Император Николай II» (Общ-ва «Кавказ и Меркурий») и следовать

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2308. Л. 11, 17–19.

² Там же. Л. 23, 28.

³ Там же. Л. 137.

⁴ Там же. Л. 29.

⁵ Там же. Л. 41.

⁶ Там же. Л. 106.

⁷ Там же. Л. 28.

⁸ Там же. Л. 88, 134.

на нем до Петровска, куда вечером 10 мая подавался экстренный поезд Владикавказской железной дороги, состоящий из 11 вагонов. Это была, пожалуй, одна из немногих почестей, которая была оказана ему в дороге и на которой особо настаивали в Азиатской части Военного министерства: «... для придания некоторой торжественности приезду эмира Азиатская часть полагала бы просить Министерство путей сообщения о высылке к Петровскому, где высадится эмир по переезде через Каспийское море, особого экстренного парадного поезда, приспособленного для следования высокопоставленных лиц»¹. По той же просьбе эмиру была предоставлена возможность воспользоваться платой за экстренный поезд по тарифу, установленному для высочайших особ², которая была значительно ниже обычной. Вместе с тем пожелание эмира не делать трехдневную остановку в Петровске, как запланировали организаторы, а «если нужно задержаться в пути», то лучше провести день в Ростове, было отклонено³. В результате поезд с довольно короткими стоянками, в том числе в губернских городах, где по протоколу визита такого уровня эмира должны были приветствовать представители местной власти, через города Минеральные Воды, Ростов, Рязань 15 мая в 1 час дня прибыл в Москву, а 16 мая в 8 часов вечера уже был в Санкт-Петербурге⁴.

В Петербурге эмира разместили в покоях Зимнего дворца, в здании Эрмитажа⁵, но его свиту, в отличие от предыдущих приездов, поселили в гостиницах города за счет Военного министерства⁶. Свита эмира состояла из четырех высших государственных чинов, в том числе главного бухарского *закятчи* (сборщик налогов), который сопровождал эмира также в поездках 1893 г. в Петербург и 1896 г. в Москву по случаю коронации Николая II⁷, а также 4 лиц в чинах *мирахуров* (главный конюший) и *караулбеги* (начальник охраны), 7 конюхов и 10–12 человек прислуги⁸. По программе, подготовленной для эмира, он должен был представиться тем Великим князьям,

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2308. Л. 59.

² Там же.

³ Телеграмма с этой просьбой была отправлена из Чарджоу, куда эмир прибыл 30 апреля из Керки пароходом Амударьинской флотилии «Цесаревич», предоставленным ему по распоряжению Управляющего Военным министерством (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2308. Л. 118).

⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2308. Л. 119.

⁵ В здании Эрмитажа, входящего в комплекс Зимнего дворца, помимо помещений, где находились произведения искусства, были оборудованы комнаты, в которых останавливались иностранные гости царского двора.

⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2308. Л. 139, 142.

⁷ Там же. Л. 107. Речь идет об Астанкул-бие — дяде Абдуллахад-хана и беке Гиссарского бекства, который с конца 1880-х гг. занимал также должность *перванечи-закятчи* (министр финансов) (см.: Прищепова В. А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры. С. 301–304).

⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2308. Л. 103.

«кои удостоят принять его», нанести визиты министрам и принять визиты директора Азиатского департамента МИД, градоначальника Санкт-Петербурга¹, помощников начальника Главного Штаба². Для встречи с Великими князьями ему необходимо было посетить их резиденции в Гатчине, Павловске, Ораниенбауме и в Стрельне³. Кроме того, были запланированы «увеселительные поездки на острова, в летние театры»⁴. 18 мая должна была состояться аудиенция эмира у Его Высочества Государя Императора в Царском Селе и продлиться примерно два часа: поезд из Петербурга отправлялся в 1: 30 дня и в 4: 20 следовал обратно⁵.

Значительные сложности возникли с подарками эмиру. Во время визита 1893 г. на подарки ему, его свите и наградные прислуге было выделено 30 000 рублей, но сумма в итоге составила 63 761 рубль. «В 1896 г. подарков пожаловано не было, но из остатков сумм, ассигнованных на прием его в Москве, для него изготавливается вагон-салон»⁶. Теперь же, когда на прием эмира было отпущено всего 25 000 рублей, вопрос подарков встал очень остро, тем более что речь шла об ответных дарах и проявлении знаков «монаршей милости», необходимых по дипломатическому этикету. В случаях с приемом в Петербурге восточных правителей подарки обычно составляли одну из самых обременительных статей расходов и являлись наиболее сложными в этикетном плане, поскольку должны были отражать характер как межгосударственных, так и личностных взаимоотношений правителей, к которым на Востоке особенно чувствительны. Для оценки таких взаимоотношений в 1898 г. стало показательным, что, во-первых, предварительно деньги на подарки эмиру выделены не были, а во-вторых, были предприняты попытки ограничить и эмира в его «подарочных» намерениях: ему было разрешено везти подарки только Высочайшему двору и отказано в самостоятельном выборе «объектов» одаривания⁷. Но поскольку эмир, как было известно, все-таки вез с собой в подарок 10 лошадей, «разные произведения своей страны» (его багаж составлял 300 пудов, т. е. примерно

¹ С 1894 по 1904 г. градоначальником Санкт-Петербурга был Николай Васильевич Клейгельс.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2308. Л. 42.

³ В 1881 г. Гатчинский дворец стал постоянной резиденцией Александра III; после его смерти (1894) здесь проживала вдовствующая императрица Мария Федоровна. Павловск с 1849 г. являлся резиденцией Великого князя Константина Константиновича, владельцем Константиновского дворца в Стрельне был его брат — Дмитрий Константинович. Резиденция в Ораниенбауме (с 1948 г. — г. Ломоносов) принадлежала Михаилу Павловичу — младшему брату Александра I, владельцами которой после его смерти (1849) стали его потомки.

⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2308. Л. 61. Возможно, имелись в виду Крестовский и Елагин острова, которые являлись местом отдыха петербуржцев.

⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2308. Л. 143.

⁶ Там же. Л. 30.

⁷ Там же. Л. 26.

4800 кг) и ордена «Бухарской звезды» 1-й и 2-й степени¹, Куропаткин вынужден был просить начальника Главного штаба дополнительно выделить 20 000 рублей на ответные дары, поскольку получил отказ от министра Императорского двора барона В. Б. Фредерикса, который заявил, что «расходы на подарки <...> не могут быть относимы на средства Кабинета Его Императорского Величества»².

Первоначально ответные дары должны были включать портрет императора, украшенный алмазами для ношения на груди, стоимостью 5 000 рублей, 100 винтовок 3-линейных с патронами для вооружения личной охраны эмира на сумму 5 000 рублей, «походные погребцы с серебряными предметами», стоимостью 6 000 рублей и на 4 000 рублей — подарочные вещи чинам свиты³. Остальные дары относились к знакам «монаршего внимания» и не предусматривали денежных расходов: производство эмира в «генералы от кавалерии, с оставлением по Терскому казачьему войску, в коем эмир числится генерал-лейтенантом с 1893 года», и «пожалование ему соединенных портретов в Бозе почившего Императора Александра III и ныне благополучно царствующего Государя Императора для ношения на груди»⁴.

Инициатива подарить эмиру оружие исходила от самого императора. Он пожелал, чтобы кроме 100 винтовок драгунского образца ему были поднесены 10 револьверов того же калибра с патронами, чтобы оружие имело «на ложах и рукоятках выжженные в дереве вензеля эмира бухарского. Винтовки и револьверы желательно укупорить в приличные полированные ящики орехового или дубового дерева, с бархатной внутренней обтяжкой и с металлическим гербом на крышках. Если же таковая отделка по недостатку времени к приезду Его Высочества сделана быть не может, оружие можно уложить в сосновые ящики, обтянуть их внутри бархатом, а снаружи кожей»⁵. Однако из-за сжатых сроков и высокой стоимости упаковки оружие решили транспортировать в обыкновенных ящиках⁶. Сократили и количество винтовок производства Сестрорецкого

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2310. Л. 137, 172–177. Орден «Бухарской звезды», или, как официально он назывался, орден «Благородной Бухары», имел 8 степеней, из которых две были высшей степени — золотая звезда с бриллиантами и золотая звезда с алмазами. Вероятно, именно такие ордена эмир вез в подарок императору. Ордена других степеней — золотые и серебряные, различающиеся также по надписям и изображениям, от имени эмира могли быть вручены самым различным лицам (*Швецов В.* Ордена бухарского эмирата. [Электронный ресурс] // URL: <https://s30983408019.mirtesen.ru/blog/43783425920/Ordена-Buharskogo-Emirata>) (дата обращения: 18.08.2023).

² Там же. Л. 85.

³ Там же. Л. 80, 81.

⁴ Было также предложено зачислить его в свиту Государя Императора, но этот пункт кем-то, кто, вероятно, утверждал список наград, был зачеркнут (Там же. Л. 30).

⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2310. Л. 117.

⁶ Там же. Л. 129.

оружейного завода¹. На оставшиеся деньги для подарков приобрели 6 ящиков со столовыми приборами и посудой (ложки, вилки, лопатки, кофейники, чайники, холодильники, блюда, стаканы и пр.) в магазине Кача², серебряные изделия в магазине «Братьев Грачевых»³ и белье в магазине Артура⁴. Кроме того, все были одарены часами — самым популярным в то время и чрезвычайно ценным в Средней Азии подарком со стороны европейцев. Эмир получил часы стоимостью 1225 рублей, у остальных они были значительно дешевле: членам свиты раздали пять золотых часов «с орлами» по 100 рублей, семь серебряных часов «с орлами» по 50 и по 25 руб.⁵ Свите также полагались табакерки «с вензелевым изображением Высочайшего Имени» по 1500 рублей, два перстня «с вензелевым изображением Высочайшего Имени» по 400 руб., а прислуге кроме серебряных часов еще выдавали по стопке⁶. В результате такого сложного и ранжированного распределения подарков случайно остались лишними табакерка за 750 руб. и перстень за 400 руб., которые затем были возвращены в Кабинет Его Императорского Величества⁷. Некоторую сумму удалось сэкономить и на обслуживании эмира в Петербурге, ее предполагалось потратить на хороший экипаж для прогулок и переездов эмира и на командирование в Бухару специалиста по ружьям⁸. И, наконец, эмиру была преподнесена книга «Описание перемен в обмундировании и снаряжении Российской армии», охватывающая период с 1881 по 1894 год, раритетные 14 выпусков которой как раз были изданы в 1898 году. Этот подарок был не столько практическим, сколько символическим, так как описания относились ко времени правления Александра III, с которым эмир Абдуллахад-хан был связан личной дружбой. Таким образом, благодаря

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2310. Л. 77.

² Фирма «Александр Кач» по производству и продаже мельхиоровых и бронзовых изделий (осн. в 1840-х гг.) имела статус поставщика императорского двора и великокняжеских дворов.

³ Серебряные изделия фабрики братьев Грачевых («Бр. Грачевы»; осн. в 1866 г.) с 1867 г. имели именное клеймо «ГРАЧЕВЪ». Для эмира в магазине этой фирмы в 1898 г. были приобретены «шкатулка с туалетными вещами и зеркалом и бювар с письменными принадлежностями»; для подарков остальным сановникам свиты эмира закупили различную посуду, которая должна была распределяться между ними в зависимости от статуса. Так, сановник 1-й категории получал «сервиз раззолоченный, жбан», вазу для фруктов, миску с ковшом, кружку «раззолоченную, кумган золоченый», 8-й и 9-й — только по кружке, а прислуге — по стопке (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2310. Л. 10, 11).

⁴ Магазин белья «Придворного поставщика Артура» в Санкт-Петербурге находился на Невском проспекте, 23 (См.: Ерешко Ю. В. Геральдика в рукоделии в дореволюционной России // Материалы семинара «Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина», Государственный Эрмитаж, 18.01.2023. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2023. С. 8). Для эмира в этом магазине были закуплены «вышитые полотенца и приборы, а также из голландского полотна салфетка, крышка для чайника плюшевая золотойной» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2310. Л. 103, 106).

⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2308. Л. 115.

⁶ Там же. Д. 2308. Л. 115; Д. 2310. Л. 107.

⁷ Там же. Д. 2308. Л. 115; Д. 2309. Л. 119.

⁸ Там же. Д. 2309. Л. 109.

дополнительным финансовым и организационным мерам, принимавшимся порой уже непосредственно в ходе визита эмира, и, отчасти, личному участию Николая II удалось провести прием правителя Бухары на достаточно высоком уровне.

После отъезда из Петербурга эмир направился на отдых и лечение в Крым, остановившись по пути на 5 дней в Москве, на 7 дней в Киеве и 7 дней в Одессе. Уже по дороге домой, из Чарджуя, он прислал телеграмму: «Благополучно прибыв в пределы Бухары, приношу Вашему Высокопревосходительству мою сердечную благодарность за оказанное вами дружеское содействие как во время моего пребывания при высочайшем дворе, так и во время путешествия моего по России. Молю Бога о даровании вам сил и здоровья для продолжения вашего славного служения престолу и отечеству. = Сеид Абдул Ахад Эмир Бухарский»¹. Возможно, некоторые изменения в организации приема бухарской делегации в Петербурге не остались незамеченными эмиром, но, следуя искусству дипломатии, он не подал вида, понимая важность для себя и своей страны сохранения дружеских и мирных отношений с Россией.

Литература

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1, Д. 2308, Л. 3, 10, 11, 17–19, 23, 26, 28, 29, 30, 41, 42, 59, 61, 80, 81, 85, 88, 103, 106, 107, 115, 117, 119, 129, 134, 137, 139, 142, 143, 172–177; Д. 2309, Л. 77, 109, 119; Д. 2310, Л. 10, 11, 103, 106, 107, 166.

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб.: Тип. Ю. А. Бокрама, 1865. [2], II, II, 221 с.

Дары Востока и Запада Императорскому двору за 100 лет: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 424 с.

Емельяненко Т. Г. Дары эмиров бухарских // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 7: Материалы конференции «Традиции гуманитарно-естественного восточного краеведения в России (к столетию Русского Императорского Общества востоковедов)» Санкт-Петербург, 15–17 марта 2000 г. М.: Институт востоковедения РАН, 2002. С. 99–107.

Ерешко Ю. В. Геральдика в рукоделии в дореволюционной России // Материалы семинара «Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина», Государственный Эрмитаж, 18.01.2023. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2023. 28 с.

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2310. Л. 166.

Крестовский В. В. В гостях у Эмира Бухарского. СПб., 1887. [4], 432, V–VIII с.

Прищепова В. А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб.: Наука, 2011. 452 с.

Сидоренко А. И., Артыков А. Р., Раджабов Р. Р. Золотое шитье Бухары. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1981. 111 с.

Хорошихин А. Н. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. [6], 583 с.

References

The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 400. Iss .1, D. 2308, P. 3, 10, 11, 17–19, 23, 26, 28, 29, 30, 41, 42, 59, 61, 80, 81, 85, 88, 103, 106, 107, 115, 117, 119, 129, 134, 137, 139, 142, 143, 172–177; D. 2309, P. 77, 109, 119; D. 2310, P. 10, 11, 103, 106, 107, 166.

Dary Vostoka i Zapada Imperatorskomu dvoru za 100 let: katalog vystavki / Gosudarstvennyj Ermitazh (2014). [Gifts from East and West to the Imperial Court for 100 Years: Exhibition Catalog / The State Hermitage Museum]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 424 p.

Emelyanenko T. G. (2002). Dary emirov buharskih. [Gifts of the Emirs of Bukhara]. *Byulleten' Obshchestva vostokovedov. Vyp. 7: Materialy konferencii «Tradicii gumanitarno-estestvennogo vostochnogo kraevedeniya v Rossii (k stoletiyu Russkogo Imperatorskogo Obshchestva vostokovedov)» Sankt-Peterburg 15–17 marta 2000 g.* Moscow.: Institut vostokovedeniya RAN, 2002. Pp. 99–107.

Ereshko Yu. V. (2023). GERAL'dika v rukodelii v dorevolucionnoy Rossii [Heraldry in Needlework in Pre-Revolutionary Russia]. *Materialy seminarov "GERAL'dika — vspomogatel'naya istoricheskaya disciplina"*, Gosudarstvennyj Ermitazh, 18. 01. 2023. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 28 p.

Horoshhin A. N. (1876). *Sbornik statej, kasajushchihsja do Turkestanskogo kraja* [Collection of Articles on Turkestan]. 583 p.

Krestovskij V. V. (1887). *V gostjah u Emira Buharskogo* [On a Visit of the Emir of Bukhara]. Saint Petersburg.

Prishchepova V. A. (2011). *Illyustrativnye kollekcii po narodam Central'noj Azii vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka v sobraniyah Kunstkamery* [Illustrative Collections on the Peoples of Central Asia in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries in the Collections of the Kunstkamera]. Saint Petersburg: Nauka. 452 p.

Sidorenko A. I., Artykov A. R., Radzhabov R. R. (1981). *Zolotoe shit'e Buhary* [Golden Embroidery of Bukhara]. Tashkent: Izdatel'stvo literatury i iskusstva im. Gafura Gulyama. 111 p.

Vámbéry Á (1865). *Puteshestvie po Srednej Azii* [The Journey on the Central Asia]. Saint Petersburg: Tipografija Yu. A. Bokrama. 221 p.

THE EMIR OF BUKHARA SEYID ABDULLAHAD-KHAN IN SAINT PETERSBURG (1898)

Abstract. The article presents documentary materials from the Russian State Military Historical Archive (Moscow) related to the history of the organization of the visit of the Emir of Bukhara Seyid Abdullahad Khan to Saint Petersburg in 1898. They contain unique information about the details of the preparation and conduct of this visit, about the program of the emir's stay in Petersburg, about the financial costs of receiving the Bukhara delegation as well. Of great interest are the data on the gifts that were presented to the emir and his retinue during the visit, since some of them could be preserved in museum collections. Archival materials also make it possible to compare the organization and, above all, the financing of the 1898 visit with the previous visits of Emir Abdullahad Khan — 1893 and 1896, demonstrating a gradual reduction in the costs of their conduct. This indirectly testified to the strengthening of Russia's position in Central Asia, which resulted in a weakening of attention to the personal contacts of the rulers, who in the time of Alexander III played a significant role in regulating relations between the Russian Empire and the Emirate of Bukhara.

Keywords: Emir Abdullahad Khan, Emir of Bukhara, Emirate of Bukhara, government gifts, Eastern diplomacy, Russia and Bukhara.

Tatyana G. EMELYANENKO,

Dr. Sci. (Hist.), senior researcher,

The Russian Museum of Ethnography

(4/1, Inzhenernaya Str., Saint Petersburg, 191186, Russian Federation).

E-mail: rem.tatyana@mail.ru

